

Забастовка московских профессоров начала 1920-х гг. и ее влияние на положение интеллигенции Советской России

Аннотация. В статье анализируются положение творческого сообщества России первых лет советской власти и события, связанные с забастовкой московской профессуры, которую в 1921 г. возглавили А. Д. Архангельский, В. С. Гулевич, В. А. Костицын, А. П. Павлов, Д. Д. Плетнев, В. В. Стратонов и поддержал М. Горький. Исследуются ход забастовки, требования ее участников, реакция на них ЦК РКП(б), Совнаркома РСФСР и Наркомпроса. Рассматриваются последствия забастовки, приведшие к выстраиванию советской модели взаимоотношения власти с интеллигенцией, интеллигенции с властью, основу которой составили, с одной стороны, культурная, законодательная, социально-экономическая (бюджетная, жилищная, кадровая, наградная, репрессивная) политика большевиков, а с другой стороны, конформистская позиция основной массы творческого сообщества страны. Исследуется деятельность Центральной комиссии по улучшению быта ученых и Всесоюзного профессионального союза работников искусств в отношении интеллигенции, пересмотра ее состава, квалификации, ценности для советской власти, выделения привилегированного слоя «специалистов-коммунистов», «героев труда», «заслуженных работников науки, техники и искусства». Статья завершается выводом о том, что несмотря на подавление внешнего сопротивления творческого сообщества, выстроенная советской властью модель отношения с ним не выдержала испытания временем, так как отрицала главное условие его существования – интеллектуальную свободу, которая ушла в контркультуру, постепенно разрушавшую советский режим.

Ключевые слова: История, культура, Советская Россия, высшая школа, забастовка, политика, законодательство, интеллигенция, культурная революция, конформизм.

Abstract. The article analyses the position of Russia's creative community during the first years of Soviet rule and the events concerning the strike of the Moscow professorate which was headed in 1921 by A. D. Arkhangel'sky, V. S. Gulevich, V. A. Kostitsyn, A. P. Pavlov, D. D. Pletnev, V. V. Stratonov, and supported by M. Gorky. The author studies the unfolding of the strike, the participants' demands, and the reaction of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), the Council of the People's Commissars of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and the Ministry of Education. The author further examines the consequences of the strike that led to the creation of the Soviet model of the relationship between the intelligentsia and the government. This relationship was founded, on the one hand, on the cultural, judicial, socio-economic (fiscal, housing, staffing, rewarding and repressing) policy of the Bolsheviks, and on the other hand, was based on the conformist position of the country's main body of the creative community. The article analyses the activity of the Central Committee in improving the living conditions of scientists and of the attitude of the All-Union Professional Union of Workers in the Arts towards the intelligentsia, reviewing its members, qualifications, value for the Soviet government, selecting privileged groups of "specialists-communists", "heroes of labour", "honoured workers of science, technology and art". The article ends with the conclusion that despite the suppression of the creative community's external resistance, the relationship constructed with them by the Soviet government did not withstand the test of time as it denied the main condition of its existence – intellectual freedom, which was pushed into counterculture and which eventually undermined the Soviet regime.

Key words: history, culture, Soviet Russia, higher school, strike, politics, legislation, intelligentsia, cultural revolution, conformism.

Приход к власти большевиков и установление диктатуры пролетариата осенью 1917 г. повлекло за собой проведение масштабной культурной

революции, нацеленной на разрушение старого национального уклада жизни и коренную перестройку всей сферы науки, образования и культуры. Декреты Совета Народных Комиссаров

санкционировали национализацию счетов и капиталов учебных, научных и культурных учреждений, их зданий, аудиторий, коллекций, архивов и библиотек, ликвидацию университетской автономии, отмену ученых степеней и званий, титулов и чинов, снос памятников «царям и их слугам» и т. д. «Благородное Собрание» превращалось во «Дворец пролетарской культуры», народный университет им. А.Л. Шанявского становился Коммунистическим университетом, а вместо монументов Александру II и Александру III, генералу Скобелеву и Ивану Сусанину ставились скульптуры террористам Перовской и Желябову, анархистам Бакунину и Кропоткину, литераторам Радищеву и Шевченко.

Революционная политика «созидания через разрушение» больно ударила по творческому сообществу страны. Призыв Ленина к развязыванию «войны не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам...» [1, с. 200], привел к тому, что лица «чуждого социального происхождения», по первой советской Конституции 1918 г. попали в категорию «лишенцев», т. е. людей, лишенных избирательных прав, а вместе с ними продуктовых карточек, собственности, а порой и жизни. Реквизиции и конфискации смерчем проšliсь по творческим деятелям, оставшимся без домов, имений, банковских вкладов, книжных и художественных собраний, даже у И.П. Павлова, нобелевского лауреата 1904 г., были отображены пять именных золотых медалей, которые посчитали «предметами роскоши». Нормой жизни стали повальные аресты интеллигенции. Именно при большевиках Бутырская тюрьма в Москве и Выборгская тюрьма («Кресты») в Петрограде превратились в места массового заключения творческой элиты страны, лучших ее умов (В.И. Вернадского, С.Ф. Ольденбурга, К.Э. Циолковского и др.), так что впору вывешивать на их стенах мемориальные доски с указанием, кто из деятелей культуры России и когда там сидел, и досок этих было бы множество. Писатель М.П. Арцыбашев отмечал: «Вся Россия высокомерно разделена на две части: одна – великая, прекрасная, всегда и во всем правая, хозяйка жизни – рабочий класс, другая – в которую свалено все, что не стоит у фабричного станка – презренная, только из милости терпимая на свете “буржуазия”!.. Интеллигенция сравнена со спекулянтами... Гордость всякой нации – ее поэты, ученые и мыслители – заклеены презрительной кличкой “буржуев”. На великую русскую ли-

тературу возведено обвинение в том, что она никогда “не служила интересам рабочего класса”, и ей вынесен приговор: исчезнуть с лица земли, уступив место литературе специально “демократической» [2, с. 100-101].

Советская власть в отношении творческого сообщества выдвинула партийный принцип размежевания: за большевиков или против них. «Долой литераторов беспартийных! – писал Ленин. – Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, “колесиком и винтиком” одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса» [3, с. 100-101]. Внедрение принципа партийности возлагалось на Народный комиссариат просвещения, который рассматривался в качестве «особого аппарата идейной диктатуры пролетариата» [4, с. 421]. Одной из главных его задач было проведение кадровой революции, нацеленной, с одной стороны, на «идейное перевоспитание» царской интеллигенции, а, с другой стороны, на подготовку «красных специалистов», способных заменить тех, кто перевоспитываться не мог или не хотел. Большевики считали, что в советской стране «специалистунемарксисту грош цена», что старые профессора им «чужие, представители не нашего класса», и нужно как можно быстрее избавиться от них, ибо они учат молодежь «старому буржуазному хламу» [5, с. 121]; [6, с. 52]. Избавление велось разными путями: установлением политического контроля, введением экзаменов на знание основ марксизма-ленинизма, увольнением и даже ссылкой в дальние районы страны. Интеллигенция превратилась в «поднадзорного, охраняемого комиссаром»: «Трудно описать весь ужас пережитых унижений и страданий, – писал в 1919 г. профессор из Воронежа. – Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унижительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжение в самые интимные стороны личной жизни... Вот обстановка, в которой пришлось работать до самого последнего времени многим специалистам высшей школы» [7, с. 218-219]. Все это накладывалось на жуткое экономическое положение, характеризовавшееся гиперинфляцией, развалом товарно-денежных отношений и голодом, так что нередко можно было встретить, например, «на Садовой вывеску: “Собачье мясо, 2 р. 50 к. фунт”. Перед вывеской длинный хвост. Мышь стоит 25 р.» [8, с. 236].

В знак протеста против катастрофических, как считала интеллигенция, условий жизни и труда весной 1921 г. группа московских профессоров, прежде всего Московского высшего технического училища, решила остановить учебные занятия. На общем собрании был избран забастовочный комитет (А.Д. Архангельский, В.С. Гулевич, В.А. Костицын, А.П. Павлов, Д.Д. Плетнев и В.В. Стратонов), которому поручалось ведение переговоров с советским правительством по исправлению сложившейся ситуации. Московских профессоров поддержал Совет представителей высших учебных заведений России, а также М. Горький, направивший кремлевским властям 31 марта 1921 г. письмо «О тяжелом положении русской интеллигенции», в котором говорилось об «особенно трагичном положении представителей науки, людей неискушенных в практической борьбе за свою жизнь. Смертность среди них, вызываемая истощением – громадна. Они нуждаются в немедленной помощи продуктами» [9, с. 94].

Помимо материального обеспечения профессуру также очень волновали вопросы изменения порядка работы вузов, правил приема студентов и ликвидации университетской автономии, которые, например, обсуждались в апреле 1921 г. на собрании Московского высшего технического училища. Оно, в частности, признало абсолютно «незаконным назначение Главпрофобром (Главным комитетом профессионально-технического образования – Т.П.) нового правления МВТУ до введения нового устава высших учебных заведений, выразило несогласие с персональным составом назначенного правления и потребовало предоставить преподавательской коллегии право выбирать правление училища», а до разрешения данного вопроса «в знак протеста преподавателям прекратить занятия» [10, с. 386]. Тогда же Московский союз научных деятелей, который был создан в 1918 г. как «Профессиональный союз профессоров и преподавателей высших учебных заведений г. Москвы и ее окрестностей», выступил с открытым заявлением «Грозная опасность русской науке», говорившим о том, что Союз считает «принцип диктатуры абсолютно неприемлемым для себя», что советская реформа высшей школы есть ничто иное «как совершенное упразднение свободы научного преподавания и даже исследования», поэтому «наша деятельность теряет всякий разумный смысл» [11, с. 80].

Московский протест высшей школы нашел поддержку у профессорско-преподавательского состава вузов других российских городов, прежде всего Петрограда, где и без того с начала 1921 г. проходили массовые митинги и забастовки рабочих и служащих промышленных предприятий, поэтому реакция советских вождей была незамедлительной. На заседании Политбюро ЦК РКП (б) 14 апреля 1921 г. было принято решение «объявить выговор всему преподавательскому составу Высшего Московского Технического Училища, объявившему забастовку, с предупреждением, что всякое применение прекращения занятий вместо законного пути обжалования в следующий раз вызовет не менее, чем арест» [12, с. 94]. Политбюро ЦК РКП (б) отменило назначение Главпрофобром правления МВТУ, но вместе с тем указало Наркомпросу на необходимость в кратчайший срок публично осудить прекративших занятия преподавателей и внести на рассмотрение ЦК РКП (б) список нового состава правления МВТУ, а также проект советского устава вузов и проект директивы «о роли и взаимоотношениях комючеек, беспартийного студенчества, профессуры и Наркомпроса» [13, с. 388]. И 19 апреля 1921 г. в газете «Правда» появилось сообщение Наркомпроса за подписью наркома Луначарского и секретаря ЦК РКП (б) Молотова, говорившее о недопустимости для преподавателей срыва занятий и вообще подобных методов протеста и призывавшее профессоров, а также студенчество к восстановлению учебного процесса.

Одновременно члены Политбюро ЦК РКП (б) на заседании 19 апреля 1921 г. утвердили новую «временную тройку Правления Московского Высшего Технического Училища в составе Калиникова (ректора), Кифера и Кузьмина» [12, с. 95], тем самым полностью похоронив надежды интеллигенции на сохранение университетской автономии и права профессуры избирать свое руководство. Более того, Ленин в письме руководителю Главпрофобра Е.А. Преображенскому от того же 19 апреля предлагал «подготовить материал, проверить, изболочить и осудить *перед всеми*, примерно наказать» всех преподавателей-реакционеров, «злостных кадетов» и «посадить на месяц, на год», а для этого «выработать *приемы* “ловли” спецов и наказания их», ибо «Луначарский и Покровский не умеют “ловить” своих спецов...» [14, с. 155]. Иначе говоря, советская власть, с одной стороны, обдумывала план жестких мер в отношении строптивых интеллек-

туалов, частью которого стал роспуск в апреле 1921 г. Союза научных деятелей – одного из главных инициаторов забастовки профессоров, а в августе 1922 г. арест с последующей высылкой из страны профессора В.В. Стратонова, а, с другой стороны, заявляла о «мирной и скорейшей ликвидации забастовки профессоров, без применения репрессий» [12, с. 115].

Сторонником последнего был М. Горький, принимавший активное участие в ликвидации конфликта между творческой элитой и большевиками. Во многом благодаря его стараниям была устроена встреча профессоров с заместителем председателя СНК РСФСР А.Д. Цурюпой. Он на слова о том, что профессура не борется с коммунистами, а хочет лишь «помочь советской власти в упорядочении крупного участка культурного фронта, каковым является высшая школа и научная работа», твердо ответил, что все ее требования «могут быть легко удовлетворены» [15, с. 60-61]. Однако это было полуправдой, и большевики имели в виду исключительно материальную сторону вопроса, но никак не политическую, цинично полагая, что усиление академических пайков и раздача ордеров на промышленные товары, а также квадратные метры коммуналок вполне успокоит интеллигенцию, превратит из врага в союзника советской власти.

10 ноября 1921 г. постановлением СНК РСФСР была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых, а 6 декабря 1921 г. вышел декрет, который «в целях наилучшего использования научных сил страны и «обеспечения научным работникам возможности спокойной и планомерной работы» вводил с 1 января 1922 г. «особое дополнительное академическое обеспечение» [16, с. 345]. Однако оно было рассчитано не на всех, а лишь на 7 тыс. человек, и его размер привязывался к «установлению оснований распределения по категориям научных работников в зависимости от их квалификации», что повлекло за собой проведение масштабной «инвентаризации» интеллектуальных сил страны с целью выявления достойных лиц для получения советского пайка. Для «недостойных» декрет обязывал Центральную комиссию по улучшению быта ученых разработать инструкцию «о порядке выселений, переселений и уплотнений научных работников», а также «упрощенного порядка получения разрешений для ученых на выезд за границу» [16, с. 345]. И если выселения с переселениями в стране стали нормой, то выезд за границу очень скоро из

наказания превратился в привилегию большевистской номенклатуры.

Вместе с Совнаркомом РСФСР ситуацией в высшей школе продолжало заниматься Политбюро ЦК РКП (б), которое 3–8 февраля 1922 г. «сочло необходимым: 8.1. Немедленное создание комиссии с привлечением представителя профессоров для обсуждения вопроса об улучшении их материального положения. 8.2. Немедленное изыскание средств для ликвидации задолженности по ставкам профсоюзов» [12, с. 117]. Но в то же время оно решительно отвергло все призывы к университетской реформе и согласилось с предложением М.Н. Покровского и 46 профессоров-коммунистов о сохранении советского порядка работы вузов, «не передавая этого дела в руки профессуры, как она этого требует» [12, с. 120]. А еще через три месяца Политбюро в заседании 8 июня 1922 г. вплотную занялось обсуждением «антисоветских группировок среди интеллигенции» и «разработкой мероприятий по вопросам: а). О фильтрации студентов к началу будущего учебного года. б). Об установлении строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения. в). Об установлении свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от взноса платы за право обучения», о «правилах для собраний и союзов студентов и профессуры» и их разрешения лишь после «заключения местных органов ГПУ», наконец, «о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР.» [12, с. 139]

В общем, большевистская политика в отношении интеллектуальной элиты носила типичный характер кнута и пряника, с одной стороны, решительного подавления всех антисоветских элементов, а с другой стороны, нормализации материального положения тех деятелей науки и культуры, кто готов был участвовать в социалистическом строительстве. Не случайно Политбюро при обсуждении вопроса о высшей школе 2 ноября 1922 г. постановило: «а) Поручить Наркомпросу стачку ликвидировать. б) Предложить Наркомфину совместно с Наркомпросом изыскать средства для выплаты задолженности профессуре Высшей школы и для уплаты январско-

го и февральского жалования по тарифным ставкам, или с приближением к ним. в) Образовать смешанную комиссию в составе Наркомпроса, ЦК Проса и представителя профессуры для рассмотрения экономического положения Высшей школы вообще и, в частности, тарифы преподавательскому персоналу» [12, с. 185].

К 1 октября 1922 г. в советской России работало уже 30 комиссий по улучшению быта ученых: в Петрограде, Москве и 27 крупных городах страны [11, с. 79]. Ими руководила Центральная комиссия по улучшению быта ученых СНК РСФСР (Цекубу), которая провела регистрацию творческих работников, а Наркомпрос установил деление их по пяти категориям. Первая категория предназначалась для начинающих ученых и «молодых писателей, художников, актеров, музыкантов, талантливых, но не установившихся»; вторую категорию составили «деятели... – молодые, но уже определившиеся, с несомненным четким дарованием»; третья категория охватывала «лиц вполне зрелого яркого дарования с крупным художественным стажем»; к четвертой категории относились деятели «всеобщего значения, создавшие свое течение в искусстве, имеющие ряд учеников, многолетний стаж и т. п.», наконец, пятая категория объединяла «деятели мировой известности и значения» [17, л. 1].

Для непосредственного поименного разделения работников науки и культуры по пяти категориям при научно-художественной секции Государственного ученого совета (ГУСа) Наркомпроса было создано пять комиссий по числу направлений творческой деятельности – научная, литературная, театральная, изобразительная и музыкальная. Каждая из них разработала свой список людей, который затем был отправлен наверх, на рассмотрение экспертной комиссии и коллегии Наркомпроса, а также отдельной общей комиссии во главе с «товарищем Кипарисовым». Она, соединив все списки в один, внесла в него свои существенные коррективы и в новом перетасованном виде спустила вниз на утверждение научно-художественной секции ГУСа, где среди первоначальных составителей разгорелся жаркий спор вплоть до открытого негодования по поводу ряда кандидатур. Камнем преткновения стал принцип отбора в советскую творческую элиту – профессиональный или партийный. Нарком просвещения А.В. Луначарский в союзе со старыми мастерами культуры настаивал на первом, замнаркома просвещения

М.Н. Покровский и партийная интеллигенция, которая, по словам М. Горького «обращала классовую психику в кастовую» и «говорила: “мы, пролетарии”, с тем же чувством, как, бывало, другие люди говорили: “мы, дворянство”» [18, с. 85], придерживались второго. Так, например, «марксист, партиец, революционер» и литератор Ф. Гладков был уверен в том, что «только тот писатель сейчас имеет большую ценность, который органически вышел из революции и сам – глубокий революционер... Несмотря на огромный талант, такие писатели, как Есенин или, скажем, Бунин, – уже рудименты, и гибель их – явление хотя и грустное, но естественное и неизбежное» [18, с. 73, 79].

Сторонников Покровского раздражало то, что Луначарский стремился сохранить старую культуру, «сохранить как образец и как школу», они в штыки воспринимали его слова о том, что «зрелое мастерство могло бы пойти им на пользу», могло «содействовать развитию нового» [19, л. 15]. Уверенные в том, что «через 20–30 лет исчезнет племя интеллигентов с земли русской», они говорили: «мы молодых покорим, а старых нам не надо» [20, с. 307]; [15, с. 55]. Поэтому на итоговом заседании научно-художественной секции ГУСа 26 августа 1922 г., обсуждавшим сводный список интеллигенции для наделения ее академическим пайком в зависимости от категории, они обвинили главную комиссию во главе с «товарищем Кипарисовым» в том, что она «выбросила за борт ряд важнейших для Республики деятелей», что внесенные ею в список «изменения противоречат всем указаниям, которые были преподаны ГУСу высшей властью и Ц.К. Партии» относительно коммунистов и пролетарских работников, и заявили, что представленный список «не может быть положен в основу суждения о деятелях» науки и искусства [17, л. 39 об.].

Вместо утвержденного списка научно-художественная секция ГУСа вынуждена была направить руководству Наркомпроса многостраничный протокол этого своего двадцать первого заседания, который показывал насколько болезненным стал для работников культуры вопрос разделения их на категории, как он «резко противоречит этическим представлениям» творческого мира и насколько вообще может быть установлена «более или менее правильная равнодействующая оценок при борьбе направлений» [17, л. 39 об.]. Каждая фраза этого протокола была похожа на выстрел в сражении за относительно

сытое и тем самым привилегированное положение в советской стране, а сам протокол напомнил донос на своих коллег по работе. Уже его первый абзац начинался с обвинения И.Э. Грабаря, являвшего экспертом «по списку ИЗО», в том «что все понижения и исключения коснулись теоретиков и художников левого направления», а «почти все повышения коснулись художников правых и центра» [17, л. 38]. В «субъективном вкусе», необоснованности и «исключительной сумбурности» обвиняли и других экспертов, например, директора Института музыкальной науки Н.А. Гарбузова и профессора математики Л.Л. Сабанеева за то, что допустили «огульное исключение из списка деятелей... коммунистов, пролетарских и еврейских» [17, л. 38 об.-39].

Материалы данного протокола вроде бы говорили о том, что при оценке интеллигенции победил сугубо профессиональный подход, но это было не совсем так. Многие мастера культуры не согласились с решением Наркомпроса и стали писать письма в вышестоящие органы, в частности, А. Серафимович, зачисленный в одну из низших – вторую категорию. Вместе с литераторами Н. Фалеевым, М. Журавлевой и Д. Чижевским он в том же 1922 г. направил в ЦК РКП (б) письмо, говорившее: «Академическим пайком должны быть удовлетворены в первую голову писатели-коммунисты <...> как наиболее нужные для государства в смысле идеологического развития... Кроме коммунистов, академическим пайком должны быть удовлетворены те писатели художники, которые приемлют революцию и могут работать... под углом новой для них идеологии и не будучи коммунистами» [21, с. 160-161]. К письму прилагался список лиц, в первой части которого указывались «крупные таланты», достойные пайка – В. Вересаев, М. Горький, всего 41 человек, в т. ч. сами авторы письма, а во второй части – люди «бездарные», «вредные», «Республике никак не нужные» – Ю. Айхенвальд, О. Мандельштам, В. Лидин и др. Советская власть приняла это письмо к сведению, но из четырех его подписантов сделала «заслуженным деятелем литературы» лишь одного большевика Серафимовича, которого еще в 1920 г. хвалил Ленин.

Это была самая настоящая гражданская война в культуре, где каждая из борющихся сторон стремилась занять лидирующие позиции и приблизиться к советской власти, которая, взяв на вооружение древний принцип «разделяй и властвуй» (“divide et impera”), увидела в нем

наилучший способ управления неуправляемым творческим сообществом России. Ей понадобилось всего лишь ввести соревнование за лучший «академический паек» и советские привилегии, как интеллигенция, сильная исключительно своим единством и сплоченностью, тут же разделилась на враждующие группы, что позволило большевикам манипулировать ею, держать в беспорядке и осуществлять тотальный контроль. «Время было благоприятное для сведения личных счетов, – вспоминала дочь пианиста и дирижера В.И. Сафонова, – доносы были в ходу, обоснованные или нет – значения не имело» [22, с. 145]. Консолидация интеллектуальных сил страны угрожала диктатуре пролетариата гибелью, а раскол на «своих» и «чужих», на правых и неправых, натравливание одних на других давало возможность власти лавировать между ними и использовать каждую группу в своих интересах. Как писал о том времени Д.С. Лихачёв, «годы борьбы государства с интеллигенцией были одновременно годами, когда в официальном языке исчезли понятия чести, совести, человеческого достоинства, верности своим принципам, правдивости, беспристрастности, порядочности, благородства. Репутация человека была подменена характеристиками треугольников, в которых все эти понятия и представления начисто отсутствовали, а понятие же интеллигентности было сведено к понятию профессии умственного труда» [35, с. 625].

Острота борьбы за включение в высшие категории советских деятелей культуры объяснялась также тем, что одновременно вводились «Положение о заслуженных работниках науки, техники и искусства» и «Положение о народных и заслуженных артистах» Советской республики, по которому почетное звание присуждалось лишь тем, кто входил в четвертую и пятую категории интеллигенции. А присвоение почетных званий влекло за собой получение не только «дополнительного академического обеспечения», но и различных льгот, например, по выделению и оплате жилья, предоставлению детям «заслуженных и народных работников» преимущественного права поступления в вузы и бесплатного обучения во всех учебных заведениях СССР, или при утрате трудоспособности получению повышенной пенсии в размере от 1,5 до 1 ставки ответственного совпартработника, т. н. «партмаксимума». К середине 1920-х гг. он равнялся 225 руб. в месяц, что было значительно больше ставки «высшей группы науч-

ных работников и руководителей учреждений» (80 руб.) и ставки «средних научных работников» (60 руб.) [24, л. 2]; [25, л. 7]. Поэтому так важно было для деятелей науки и культуры войти в высший круг советской интеллигенции, где борьба за выживание уходила на второй план, а на первый выдвигалось творчество.

В общем, исторический анализ положения творческого сообщества в условиях диктатуры пролетариата показывает, что советская власть при оценке значения интеллигенции старалась придерживаться двойного подхода, учитывавшего как революционные, так и профессиональные заслуги, а также мнение самих деятелей науки и искусства, драматизм положения которых в советской России заключался в том, что втянутые в борьбу за существование они становились то жертвой, то палачом, то обвинителем своих коллег по творческому цеху, то ими же обвиняемыми и отвергаемыми. Как писал, например, Горькому Ф. Гладков, «литературные нравы у нас немножко дикие... Чуть ли не в один день раздуваются имена, чтобы лопнуть на другой день, как мыльный пузырь» и «нет самого главного в каждом – любви к литературе, чуткости, честности и знаний», поэтому я «нервно болен довольно сильно. Еще до сих пор не оставляют (и, вероятно, долго не оставят) в покое партийные комиссии по расследованию моего революционного и иного прошлого» и «долбят, что я – романтик и реакционный писатель, что я “классовый враг” и “вредитель” (Серебрянский), “буржуазный декадент” и “натуралист” (Ермилов), что я “не прошел школы комсомола” (это – правда, староват!) (Авербах), что я не художник, а пишу только относительно полезные книжечки (Фадеев). А между тем раньше те же люди (с которыми я еще не боролся, не спорил) расточали мне похвалы и поднимали на щит» [18, с. 70, 79, 122].

При этом ограниченность финансовых ресурсов заставляла советское правительство устанавливать «порядок очередности» зачисления в высшие категории творческих работников, предоставления им различных пайков и льгот, присуждения почетных званий и наград [17, л. 3]. Кроме того, списки лиц, достойных разных благ, постоянно перетасовывались и изменялись, став для власти отличным средством манипулирования творческим сообществом страны. Так, К. Малевич отмечал, что в 1924–1925 гг. «был пересмотр списков, кому дать помощь, обеспечение (пенсию), и вот я числился в списках; была экспертная комиссия ученых, осматривала мои

работы, и художественная комиссия совместно одобрили, и я думал, что... буду получать 75 руб. Но при обсуждении в пленуме другая, противоположная группа стала доказывать, что я идеалист, мистик и лишила этого пособия» [26, с. 468, 487]. Зато в том же 1925 г. СНК РСФСР установил «пожизненное содержание» в размере советского партмаксимума зоологу Н.М. Книповичу в связи с 40-летием его научной деятельности и за заслуги перед революционным движением; в 1927 г. «заслуженными деятелями науки» стали В.М. Бехтерев и В.А. Обручев, а вот Ф.И. Шаляпин был лишен звания «народного артиста Республики» за связь с белой эмиграцией, и т. д.

Трудная ситуация складывалась в среде научно-технической интеллигенции. В июне 1924 г. в Политбюро ЦК ВКП (б) поступил «совершенно секретный» доклад начальника Главэлектро ВСНХ А.З. Гольцмана, писавшего: «Самое слово “спец” стало синонимом чего-то оскорбительного, чем хотят выразить свое презрительное и враждебное отношение к чуждому, хотя и терпимому слою», в связи с чем «инженеры чувствуют себя так, словно их держат только до известного момента, который должен наступить уже в ближайшее время, и что после этого момента их удалят как совершенно ненужный элемент», однако, на деле, «по меньшей мере, еще 15 лет нам придется работать с той технической интеллигенцией, которая оставлена нам в наследство буржуазным слоем, а некоторые наиболее выдающиеся специалисты не смогут быть заменены, вероятно, до конца своей жизни», поэтому нужно изменить отношение к ним и обращать внимание не на их социальное происхождение, а на то, сколь долго служат они советской власти [27, с. 456-457]. Гольцман предлагал отменить или дополнить анкетную графу «сословие» сведениями о советском стаже работы, которые должны стать решающими при аттестации специалистов. Также он считал необходимым пересмотреть жилищную политику в отношении инженеров и техников, равно как и вопрос оплаты их труда, зарабатывавших нередко меньше рабочих, что нарушало установленное декретом СНК от 25 августа 1921 г. положение об уравнении инженерно-технического персонала в правах с рабочими.

В том же 1924 г. вышло совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР по гуманитарной интеллигенции, в котором деятели литературы и искусства приравнивались к советским трудящимся только в том случае, если они «состояли

членами Профсоюза или выполняли работы по договорам, визированным Союзом работников искусств», подконтрольным Наркомпросу и Совнаркому СССР [28, л. 247, 274]. Иначе говоря, лишь являясь членом профсоюза, творческий деятель становился полноправным советским гражданином, избавлялся от характеристики «буржуй» и переходил в категорию наемного работника с рядом льгот, самой ценной из которых в условиях тотального дефицита продуктов была возможность питаться в профсоюзных столовых. Кроме того, при отнесении работника культуры к высшим разрядам тарифной сетки (15, 16, 17), он получал право на дополнительную жилплощадь [28, л. 9]. Неудивительно поэтому, что уже к 1926 г. число членов Всесоюзного профессионального союза работников искусств (Всерабиса) увеличилось по сравнению с 1923 г. на 30 тыс. и составило 81 тыс. человек, а сами члены профсоюза, по меткому замечанию А.Б. Мариенгофа, «имели обыкновение говорить значительно громче, чем простые смертные» [29, с. 368].

В 1927 г. было введено звание «Герой Труда», через одиннадцать лет преобразованное в «Героя Социалистического Труда», а в 1928 г. учрежден орден «Трудового Красного Знамени», которые давали ряд «льгот и преимуществ» по налоговым платежам, отовариванию карточек, проезду на общественном транспорте, получению и оплате жилой площади [30, с. 105]; [31, с. 462-463]; [32, с. 161-162]. Последняя льгота имела в советских условиях острого дефицита жилья исключительное значение. Как отмечал заместитель председателя жилищной секции Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) С.И. Мицкевич, «имеется уже несколько тяжелых случаев, когда волнения, страдания и мытарства, вызванные жилищными осложнениями, приводили к преждевременной смерти научных работников (доктор Тезяков, известный профессор-литератор Гершензон и др.)» [33].

Еще в 1924 г. были установлены строгие нормы выделения жилплощади – 8 кв. м. на человека вне зависимости от возраста и пола, которые в массе своей не соблюдались из-за отсутствия свободных помещений, пригодных для жизни. Но по декрету ВЦИКа от 31 июля 1924 г. «О мерах к улучшению жилищных условий научных работников» всем тем, кто был зарегистрирован в Центральной комиссии по улучшению быта ученых, предоставлялось право «на одну

дополнительную комнату для научных занятий сверх площади, причитающейся им по общегосударственной норме, а также в исключительных случаях <...> на особое дополнительное помещение для лабораторий, чертежных, библиотек, коллекций и всякого рода научных работ, требующих специального оборудования» [31, с. 195-196]. В то же время отмечалось, что «на каждую семью научного работника не может быть отведено более одной дополнительной комнаты или более двух дополнительных площадей в двадцать квадратных аршин, хотя бы число научных работников в семье и превышало двух человек», а одинокие ученые, проживающие без семьи и занимающие «комнату размером более двадцати квадратных аршин, права на дополнительную комнату не имеют» вовсе [31, с. 197].

В октябре 1927 г. ВЦИК и СНК в совместном постановлении подтвердили жилищные нормы 1924 г. и расширили список лиц, обладавших правом на дополнительную жилплощадь, за счет включения в него героев труда, заслуженных деятелей науки и искусства, заслуженных и народных артистов, членов Общества старых большевиков и членов коллегии защитников, работающих на дому. При этом особо оговаривалось, что «дополнительная комната или дополнительная площадь предоставляется из свободной или вновь освобождающейся площади в данной квартире, по удовлетворении жильцов той же квартиры, нуждающихся в жилой площади по основной норме. По желанию лиц, нуждающихся в дополнительной площади, такая им предоставляется из свободной площади в других квартирах в пределах дома, но лишь при условии предварительного удовлетворения всех жильцов дома жилой площадью в пределах установленных норм» [31, с. 471]. Последнее положение однако просуществовало недолго и в 1933–1935 гг. было изменено рядом особых постановлений ВЦИКа и СНК о жилищных правах научных работников, композиторов, писателей, художников, скульпторов и некоторых других групп граждан, закреплявших за ними не только право на дополнительную комнату или жилплощадь «размером не менее 20 кв. м.», но и право «при освобождении площади в квартире *в двадцатидневный срок заселить ее по своему усмотрению, не спрашивая согласия домоуправления*» [32, с. 304]. Данная норма сыграла ключевую роль в повсеместном перераспределении жилого фонда в пользу советской элиты, желавшей быть не хуже своей царской предшественницы. Особенно

активно она применялась в период массовых репрессий, когда жилье арестованных «врагов народа» моментально оказывалось у приближенных к власти соседей.

В 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было утверждено «Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой», в т. ч. заслуги «в области науки, искусства и техники» [34, л. 30]; [32, с. 47]. Персональные пенсии стали получать те ученые и мастера культуры, кто в начале 1920-х гг. был наделен званием народного артиста или заслуженного работника науки, техники и искусства (В. Качалов, О. Книппер-Чехова, В. Немирович-Данченко, К. Станиславский и др.). Через два года были введены положения о пенсионном обеспечении за выслугу лет: работников высших учебных заведений и научных учреждений РСФСР» (16.03.1930), писателей (30.11.1930) и работников изобразительных искусств (30.11.1931), по которым трудовая пенсия полагалась лишь тем, кто не только достиг шестидесятипятилетнего возраста, но являлся членом профсоюза и обладал советским стажем работы не менее десяти лет. При этом особо оговаривалось, что пенсия не полагается лицам, не имеющим избирательных прав, подвергшимся в советские времена лишению свободы, ссылке и высылке, а также тем, кто в царские времена отстаивал интересы самодержавия, работал в учреждениях, связанных с религиозным культом, преподавал в училищах правоведения, в юнкерских и военных училищах, являлся членом политических партий, защищавших царизм, т. е. партий нереволуционных. А к таковым принадлежало, как известно, большинство служивой дореволюционной интеллигенции!

В общем, на рубеже 1920–1930-х гг. главным для советской кадровой и наградной политики стал уже не столько талант, сколько верная служба пролетарскому государству, что нашло отражение в новом постановлении ВЦИК и СНК «О порядке присвоения звания народного артиста и заслуженного деятеля науки, техники или искусства» (10.08.1931), которое ввело для получения почетного звания обязательную норму наличия советского стажа работы «не менее 10 лет» [32, с. 179]. Но и при наличии стажа и заслуг перед советской страной все могло быть моментально перечеркнуто в случае обнаружения «крамолы»: «У Прокофьева пять Сталин-

ских премий, – писал М.М. Пришвин, – и вдруг оказалось, что напрасно давали: музыка Прокофьева и Шостаковича объявлена антинародной западной жвачкой. После этого верь в славу и орден!» [35, с. 97]

Результатом подобной политики, протекавшей в общем русле репрессивности советского режима, стало то, что значительная часть интеллигенции СССР заняла конформистскую позицию и надела маску «двуликого Януса», которая позволяла ей, с одной стороны, вписываться в коммунистический строй и даже восхвалять его вождей (поэмы «Владимир Ильич Ульянов» и «Феликс» А. Безыменского, «Слово к товарищу Сталину» М. Исаковского, «Здравица» к 60-летию Сталина и кантата «К 20-летию Октября» С. Прокофьева, «Путь к социализму» А. Твардовского, «Поэма о Сталине» А. Хачатуряна и др.), а с другой стороны, уходить в свой внутренний мир, мир скрытых мыслей и надежд, в т. н. контркультуру, медленно, но верно подтачивавшей советский режим. Тот же Пришвин говорил в апреле 1930 г.: «Думаю, что очень много людей в СССР живут Робинзонами, что только тому приходилось спасаться на необитаемом острове, а нам среди людоедов» [36, с. 338]. В том числе и ему самому – советскому орденноносцу, считавшему себя «личностью, которая выживает» и писавшему в своем тайном дневнике: «Мои тетрадки – это мое оправдание», но оправдание не перед советским обществом, которое дало бы «за каждую строчку моего дневника – десять лет расстрела», а перед будущим [36, с. 317, 319]. А то, что оно будет иным, писатель не сомневался, хотя и не дожил до него.

В общей сложности, выстроенная в СССР под влиянием забастовки московских профессоров модель взаимоотношения власти с интеллигенцией и интеллигенции с властью просуществовала не более полувека, так как основывалась на жестком единомыслии и отрицании главного условия жизни творческого человека – интеллектуальной свободы. Учтя уроки открытого сопротивления советскому режиму, интеллигенция встала на путь «игры двумя лицами» – лояльным внешним и независимым внутренним, благодаря которому «сотни и тысячи ученых, художников, музыкантов... сохраняли свою духовную самостоятельность» и который, по мнению академика Д.С. Лихачёва, позволил «русской интеллигенции в целом выдержать испытание нашим “смутным временем”» [23, с. 621, 619].

Библиография:

1. Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 35. М.: Изд-во политической литературы, 1981. С. 195-205.
2. Арцыбашев М.П. Записки писателя. М.: НПК «Интелвак», 2006. – 792 с.
3. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 12. М.: Изд-во политической литературы, 1979. С. 99–105.
4. Луначарский А. В. Статьи о советской литературе. М.: Учпедгиз, 1958. – 480 с.
5. Ленин В.И. Политический отчет Центрального комитета РКП (б) 27 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 69-130.
6. Ленин В.И. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-издание. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 51-52.
7. Ответ на открытое письмо «специалиста» тов. Ленину // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 38. М.: Изд-во политической литературы, 1981. С. 218–222.
8. Гиппиус З.Н. Современная запись 1914–1919 гг. Дневник // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. С. 231-272.
9. Письмо М. Горького о тяжелом положении русской интеллигенции. 31 марта 1921 г. // В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. М.: Рус. панорама, 2008. С. 93-94.
10. Примечание к Записке В.И. Ленина народному комиссару юстиции Д.И. Курскому 11 апреля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 52. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 386.
11. Иванова Л. В. Профессиональное объединение ученых в 1917–1923 гг. // Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. М.: Наука, 1978. С. 75-88.
12. Из протоколов заседаний Полит. Бюро ЦК РКП // В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. М.: Рус. панорама, 2008. С. 94-202.
13. Примечание к Записке В. И. Ленина В. М. Молотову 15 апреля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 52. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 388.
14. Ленин В.И. Е.А. Преображенскому. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е издание. Т. 52. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 155.
15. Автобиография профессора В.А. Костицына // Вопросы истории. – 2011. – № 4. – С. 50–71.
16. Культура в нормативных актах Советской власти. 1928–1929. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2011. – 440 с.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-298. Оп. 1. Д. 113.
18. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 736 с.
19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 615.
20. Красная новь. – 1923. – № 1.
21. Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М.: АИРО-XX, 1998. – 208 с.
22. Книпер А.В. Фрагменты воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. I. М.: Прогресс; Феникс, 1990. С. 99-190.
23. Лихачёв Д.С. О русской интеллигенции // Лихачёв Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. – 672 с.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 273.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 442.
26. Малевич К. Черный квадрат. СПб.: Азбука-классика, 2003. – 576 с.
27. Из доклада начальника Главэлектро ВСНХ А.З. Гольцмана в Политбюро ЦК РКП (б) // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934. М.: РОССПЭН, 2010. С. 455–468.
28. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 161.
29. Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век. Л.: Художественная литература, 1988. – 480 с.
30. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009. – 384 с.
31. Культура в нормативных актах Советской власти. 1923–1927. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2011. – 528 с.
32. Культура в нормативных актах Советской власти. 1930–1937. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2011. – 400 с.
33. Известия ВЦИК. – 1926, 31 августа.
34. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1218.
35. Пришвин М. «У русского человека на советском пути...» Из дневника писателя. 1948 // Наше наследие. – 2015. – № 112. – С. 95-103.
36. Пришвин М. Из дневников 1930 года // Отечественные записки. – 2005. – № 5. – С. 316-339.

References (transliterated):

1. Lenin V.I. Kak organizovat' sorevnovanie? // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izdanie. T. 35. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1981. S. 195-205.
2. Artsybashev M.P. Zapiski pisatelya. M.: NPK «Intelvak», 2006. – 792 s.
3. Lenin V.I. Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izdanie. T. 12. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1979. S. 99–105.
4. Lunacharskii A. V. Stat'i o sovetskoi literature. M.: Uchpedgiz, 1958. – 480 s.

5. Lenin V.I. Politicheskii otchet Tsentral'nogo komiteta RKP (b) 27 marta // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izdanie. T. 45. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1982. S. 69-130.
6. Lenin V.I. Predislovie k knige I. I. Stepanova «Elektrifikatsiya RSFSR v svyazi s perekhodnoi fazoi mirovogo khozyaistva» // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-izdanie. T. 45. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1982. S. 51-52.
7. Otvet na otkrytoe pis'mo "spetsialista" tov. Leninu // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izdanie. T. 38. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1981. S. 218-222.
8. Gippius Z.N. Sovremennaya zapis' 1914–1919 gg. Dnevnik // Merezhkovskii D.S. Bol'naya Rossiya. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1991. S. 231-272.
9. Pis'mo M. Gor'kogo o tyazhelom polozenii russkoi intelligentsii. 31 marta 1921 g. // V zhernovakh revolyutsii. Rossiiskaya intelligentsiya mezhdru belymi i krasnymi v porevolyutsionnye gody. M.: Rus. panorama, 2008. S. 93-94.
10. Primechanie k Zapiske V.I. Lenina narodnomu komissaru yustitsii D.I. Kurskomu 11 aprelya 1921 g. // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izdanie. T. 52. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1982. S. 386.
11. Ivanova L. V. Professional'noe ob'edinenie uchenykh v 1917–1923 gg. // Velikii Oktyabr'. Istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie. M.: Nauka, 1978. S. 75-88.
12. Iz protokolov zasedanii Polit. Byuro TsK RKP // V zhernovakh revolyutsii. Rossiiskaya intelligentsiya mezhdru belymi i krasnymi v porevolyutsionnye gody. M.: Rus. panorama, 2008. S. 94-202.
13. Primechanie k Zapiske V. I. Lenina V. M. Molotovu 15 aprelya 1921 g. // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izdanie. T. 52. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1982. S. 388.
14. Lenin V.I. E.A. Preobrazhenskomu. // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izdanie. T. 52. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1982. S. 155.
15. Avtobiografiya professora V.A. Kostitsyna // Voprosy istorii. – 2011. – № 4. – S. 50–71.
16. Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoj vlasti. 1928–1929. M.: ZAO «Yuridicheskii Dom "Yustitsinform"», 2011. – 440 s.
17. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. A-298. Op. 1. D. 113.
18. Gor'kii i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska. Literaturnoe nasledstvo. T. 70. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 736 s.
19. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 2306. Op. 69. D. 615.
20. Krasnaya nov'. – 1923. – № 1.
21. Aimermakher K. Politika i kul'tura pri Lenine i Staline. 1917–1932. M.: AIRO-KhKh, 1998. – 208 s.
22. Kniper A.V. Fragmenty vospominanii // Minuvshee. Istoricheskii al'manakh. I. M.: Progress; Feniks, 1990. S. 99-190.
23. Likhachev D.S. O russkoi intelligentsii // Likhachev D.S. Razdum'ya o Rossii. SPb.: Logos, 1999. – 672 s.
24. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 2306. Op. 69. D. 273.
25. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 2306. Op. 69. D. 442.
26. Malevich K. Chernyi kvadrat. SPb.: Azbuka-klassika, 2003. – 576 s.
27. Iz doklada nachal'nika Glavelektro VSNKh A.Z. Gol'tsmana v Politbyuro TsK RKP (b) // Repressirovannaya intelligentsiya. 1917–1934. M.: ROSSPEN, 2010. S. 455–468.
28. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 2306. Op. 69. D. 161.
29. Mariengof A. Roman bez vran'ya. Tsiniki. Moi vek. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1988. – 480 s.
30. Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoj vlasti. 1917–1922. M.: ZAO «Yuridicheskii Dom "Yustitsinform"», 2009. – 384 s.
31. Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoj vlasti. 1923–1927. M.: ZAO «Yuridicheskii Dom "Yustitsinform"», 2011. – 528 s.
32. Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoj vlasti. 1930–1937. M.: ZAO «Yuridicheskii Dom "Yustitsinform"», 2011. – 400 s.
33. Izvestiya VTsIK. – 1926, 31 avgusta.
34. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 2306. Op. 69. D. 1218.
35. Prishvin M. «U russkogo cheloveka na sovetskom puti...» Iz dnevnika pisatelya. 1948 // Nashe nasledie. – 2015. – № 112. – S. 95-103.
36. Prishvin M. Iz dnevnikov 1930 goda // Otechestvennye zapiski. – 2005. – № 5. – S. 316-339.